

DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-3-2

Роман Янович Юрковский¹
Варминско-Мазурский университет
Ольштын, Польша
<http://orcid.org/0000-0002-3424-0307>
roman.jurkowski@uwm.edu.pl

Roman Ya. Jurkowski
University of Warmia and Mazury in Olsztyn
Olsztyn, Poland
<http://orcid.org/0000-0002-3424-0307>
roman.jurkowski@uwm.edu.pl

Роль П.А. Столыпина в создании Народного дома в Ковно в 1898–1899 годах *

The Role of P.A. Stolypin in the Creation of the People's House in Kovno in 1898–1899

Аннотация. В статье представлен малоизвестный эпизод биографии П.А. Столыпина, связанный с его пребыванием в Ковенской губернии в 1889–1902 гг. и касающийся строительства Народного дома в Ковно в 1898–1899 годах. Статья базируется на материалах русской и польской периодической печати конца XIX – начала XX в. Автор анализирует мотивы, побудившие Столыпина заняться строительством и обустройством в Ковно Народного дома, который стал центром русской культуры и в то же время местом для реализации на практике лозунгов Попечительства о народной трезвости. П.А. Столыпин показан эффективным организатором строительства и правительственным чиновником, защищавшим интересы России в западных губерниях Империи.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, Ковенская губерния, предводитель дворянства, Попечительство о народной трезвости, Народный дом в Ковно.

¹ Перевод с польского выполнен Л.М. Аржаковой, доктором исторических наук, профессором Санкт-Петербургского университета.

* Для цитирования: Юрковский Р.Я. Роль П.А. Столыпина в создании Народного дома в Ковно в 1898–1899 годах // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 734–764. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-3-2

For citation: Jurkowski, R. “The Role of P.A. Stolypin in the Creation of the People's House in Kovno in 1898–1899.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 3 (2020): 734–64, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-3-2>

Abstract. The article presents a little-known episode in the biography of P. Stolypin, associated with his stay in Kovno Governorate in 1889–1902 and concerning the construction of the People's House in Kovno in 1898–99. The article is based on the materials from Russian and Polish periodicals of the late 19th – early 20th centuries. The author analyses the motives that prompted Stolypin to start building and equipping with the necessary facilities the People's House in Kovno, which became the center of Russian culture and at the same time a place for putting into practice the slogans of the Guardianship of Public Sobriety. P. Stolypin is shown as an effective organizer of construction and a government official who defended the interests of Russia in the western governorates of the Empire.

Key words: P. Stolypin, Kovno Governorate, marshal of nobility, Guardianship of Public Sobriety, People's House in Kovno

Введение

Деятельность и личность Петра Аркадьевича Столыпина неоднократно упоминалась и оценивалась в польской историографии после Второй мировой войны, особенно когда описывалась и анализировалась государственная политика в отношении польских земель и поляков в позднеимперский период. Работ, посвященных непосредственно фигуре П.А. Столыпина, по-польски написано гораздо меньше, хотя в 1972 г. вышла прекрасная монография Людвика Базилова, наиболее выдающегося послевоенного польского специалиста по истории России, посвященная П.А. Столыпину¹. Исследование Л. Базилова остается наиболее полной и по сей день непревзойденной биографией этого российского политика, написанной историком-иностранцем. К сожалению, современным российским исследователям жизни и деятельности П.А. Столыпина она все еще неизвестна. Несмотря на то что книга опубликована в 1972 году, во время так называемого реального социализма и жесткой цензуры, для нее характерны строгая научная объективность и всеобъемлющий охват истории России в период пребывания П.А. Столыпина на высоких государственных должностях.

П.А. Столыпину посвящен и небольшой по объему текст Ярослава Несциорука², основанный исключительно на новейших российских исследованиях, появившихся после 1991 года, и опубликованный в 2007 году. По сути, это – небольшой буклет, являющий собой пересказ чужих концепций, историографическая ценность которого весьма невелика.

Третьей монографией о П. Столыпине стала моя книга, написанная в 2015 году и посвященная исключительно жизни и деятельности П. Столыпина в

¹ *Bazyłow L. Ostatnie lata Rosji carskiej. Rządy Stołypina.* – Warszawa: PWN, 1972.

² *Nieścioruk J. Piotr Stołypin. Życie i działalność polityczna.* – Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2007.

западных губерниях Российской империи. Монография охватывает период 1889–1903 годов, причем в первой части речь идет об отце П. Столыпина, генерале Аркадии Столыпине, членах его семьи, его детях и учёбе братьев Столыпиных (Михаила и Петра) в Виленской гимназии³. Книга основана на новых, неопубликованных ранее материалах из литовских и белорусских архивов и заполняет пробел в исторических исследованиях личности П. Столыпина, т. к. до появления описываемой монографии не было научных исследований о начале политической карьеры этого выдающегося государственного деятеля. Монография содержит также объемное приложение, включающее 15 текстов, переведенных автором с русского языка на польский, среди которых – несколько неизвестных ранее документов авторства П.А. Столыпина, обнаруженных в архивах и старых журналах. В 2018 году несколько измененная и сокращенная версия этой монографии была опубликована на английском языке⁴.

Источниковедческая публикация Александра Ахматовича в журнале “Przegląd Wschodni” за 2004 год⁵ – это обширная подборка источников о П.А. Столыпине из воспоминаний В.А. Маклакова, В.Н. Коковцова, М.П. Бок и других, но в основном из книги А.В. Зеньковского⁶. К сожалению, все тексты источников приведены на языке оригинала, то есть на русском языке, и не имеют польского перевода, что, учитывая все более редкое знание этого языка в Польше, особенно среди молодых историков, не способствует распространению знаний о П.А. Столыпине.

В конце этого краткого историографического обзора я упомяну несколько моих публикаций о П.А. Столыпине. Первой была статья в сборнике материалов Московской конференции 2012 года, посвященной 150-летию со дня рождения П. Столыпина, на которой я выступал с докладом⁷. Следующие три статьи о П. Столыпине были опубликованы в 2014 году. Это были тексты, посвященные его карьере чиновника в Ковенской губернии⁸, имению Колноберже⁹

³ *Jurkowski R.* Kowieński marszałek, grodzieński gubernator. Kresowe początki kariery politycznej Piotra Stołypina (1889–1903). – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2015.

⁴ *Jurkowski R.* Peter Stolypin – The Early Stage of His Political Career 1889–1903. – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2018.

⁵ *Achmatowicz A.* Niezrealizowane projekty reform premiera rządu rosyjskiego i ministra spraw wewnętrznych Piotra Stołypina (1906–1911) // *Przegląd Wschodni*. – 2004. – Т. IX. – No. 3 (35). – С. 657–711.

⁶ *Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. – Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1956.

⁷ *Юрковский Р.* П.А. Столыпин в воспоминаниях польских землевладельцев Северо-западного края // *Столыпинские чтения. Путь модернизации России: от Столыпина к современности. Международная научно-практическая конференция*. – Москва: Медиа-Принт, 2012. – С. 137–149.

⁸ *Jurkowski R.* Piotr Stołypin jako marszałek szlachty w guberni kowieńskiej 1889–1902. Nominacje, rangi ordery i medale // *Zeszyty Naukowe*. – 2014. – Т. XXVIII. – С. 226–238.

близ Кейданов¹⁰ и его попечительству о театре в Народном доме в Ковно¹¹. В 2015 году были опубликованы еще две мои статьи о П. Столыпине¹², а в 2017 году вышла статья о культурно-просветительской и благотворительной деятельности П. Столыпина в Гродно¹³.

Фигура П. А. Столыпина не вызывает особого интереса польской историографии, что объясняется тем, что его деятельность после 1906 года в качестве министра внутренних дел и премьер-министра России была направлена против национальных меньшинств, проживающих в Российской империи, и особенно против поляков. Однако без изучения и осмысления его характера и деятельности невозможно провести достоверный анализ польско-российских отношений последних лет империи Романовых.

Основная часть

Переходя к истории Народного Дома в Ковно, отметим, что идея его создания принадлежала Петру Аркадьевичу Столыпину, который успешно реализовал свой замысел на практике¹⁴. Важно отметить и то, каких целей предполагалось достичь, когда он взял на себя немалый труд по строительству, оснащению и организации деятельности такого крупного по ковенским масштабам учреждения. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что П.А. Столыпина отличала

⁹ Написание «Колноберже» использовалось во времена Столыпиных, сейчас название пишут как «Калнабарже». Усадьба Колноберже располагалась близ местечка Кейданы (ныне город Кедайняй в Литве).

¹⁰ *Jurkowski R.* Majątek wygrany w karty – jak po powstaniu styczniowym litewskie Kałnoberże znalazły się w rękach rodziny Stołypinów // *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej.* – 2014. – Т. XLIX. – № 2. – С. 5–21.

¹¹ *Jurkowski R.* Udział Piotra Stołypina w życiu teatralnym Kowna w latach 1899–1901 // *Studia Białorutenistyczne.* – 2014. – Т. 8. – С. 59–69.

¹² *Юрковский Р.* Краинные знакомые. Польские депутаты Государственной думы и Государственного совета из Северо-западного края и их отношения с П.А. Столыпиным в 1906–1911 гг. // *Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2014 г.: сборник научных статей: в 2 частях / под редакцией А.Б. Николаева.* – Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2015. – Ч. 1. – С. 233–245; *Jurkowski R.* Działalność Piotra Stołypina w guberni kowieńskiej w latach 1889–1902. Próba bilansu // *Przegląd Wschodni.* – 2015. – Т. XIII. – № 4 (52). – С. 1059–1078.

¹³ *Юрковский Р.* Культурно-просветительская и благотворительная деятельность Петра Столыпина на посту гродненского губернатора в 1902–1903 гг. // *Новейшая история России.* – 2017. – № 3 (20). – С. 49–62.

¹⁴ Когда полным ходом шли строительные работы, на страницах газеты «Ковенские губернские ведомости» писали: «своим существованием дом этот будет всецело обязан П.А. Столыпину, являющемуся главным инициатором его постройки и даже непосредственным блюстителем за работами в доме» (Ковенский народный дом // Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 31.07. – № 52.).

способность быстро реагировать на происходящее, анализировать и делать адекватные выводы. Так, не прошло и двух лет с тех пор, как была открыта первая чайная, как он уже в полной мере отдавал себе отчет в том, что открытие очередной чайной отнюдь не будет способствовать эффективному решению задач, поставленных перед Попечительствами о народной трезвости, не говоря уже о том, что такого рода мероприятия оказались весьма затратными. Подобное положение вещей было характерно не только для Ковно, аналогичным образом дела обстояли и в других городах и губерниях. Летом 1899 г. об этом писал, в частности, «Вестник финансов»:

Организация чайной – основная сфера деятельности комитетов Попечительства, но она не стоит на твердой почве, так как есть большие расходы на аренду помещений, высокие затраты на управление чайной, которые все еще дефицитные, а дефицит покрывается за счет государственного бюджета¹⁵.

На этом основании печатный орган Министерства финансов выступил с предложением полностью ликвидировать убыточные чайные. Предложение не было излишне радикальным, поскольку предусматривало оставить те чайные, которые хотя бы частично себя окупали, или заменить их на чайные-столовые. Считалось, что именно подобные заведения (чайные и столовые) могли привлечь немало посетителей из беднейших слоев населения, которые, как тогда полагали, больше других склонны к злоупотреблению спиртными напитками.

Можно предположить, для русского чиновника в западных губерниях, каким был в описываемый период П.А. Столыпин, помимо финансовых соображений (пожалуй, не имевших все-таки принципиального значения, учитывая, что государственная казна обеспечивала комитеты Попечительства денежными средствами, получаемыми от торговли алкоголем), желаемое изменение характера деятельности комитетов Попечительства преследовало еще одну важную цель. Она заключалась в реальном, а не происходившем от случая к случаю, знакомстве местного населения с русской культурой и русским языком. На самом деле, масштаб замысла требовал широкого пространства, которое как раз мог обеспечить такой город, как Ковно. В нем было много и собственных жителей, и приезжавших по делам из окрестностей, когда, как выразился К. Гукровский во время открытия Народного дома, «в чайной и в столовой не хватало

¹⁵ Виленская чайная столовая // Северо-западное слово. – 1899. – 31.07. – № 252. Желая хотя бы отчасти улучшить материальное положение чайной, в марте 1898 г. была разрешена «торговля табачными изделиями в чайных и дешевых народных кухнях без оплаты какого-либо патента» (В.К. [Bogdan Kutylowski] Dobroczynność publiczna // Kraj. – 1898. – 21.03 (02.04). – Nr 12.).

места для прибывающих крестьян, которые тоже не могли покинуть свои подводы, поэтому они спали на них»¹⁶.

Вдобавок ко всему, сосредоточение нескольких учреждений в одном месте позволяло более четко контролировать их деятельность, что, как показывала практика, было делом, значение которого никак нельзя было умалять¹⁷. Учитывая все обстоятельства, выбор Ковно является совершенно очевидным. Кроме того, надо было принимать во внимание то, что чаще всего в мероприятиях, которые организовывали Попечительства, принимали участие жители губернской столицы или уездных городов, а отнюдь не селяне. Именно горожанам приходилось чаще иметь дело с организациями, подведомственными комитетам Попечительства. Городскую бедноту, на которую, прежде всего, были направлены начинания Попечительств, в основном представляли евреи, которые (по религиозным соображениям) никак не должны были оказаться в группе «злоупотребляющих спиртными напитками». Замкнутый круг? Значит, ничего, кроме традиционных уже чайных и столовых, в городских условиях ожидать не приходится?

Комитеты Попечительства намеревались бороться с пьянством, которое было распространено преимущественно в бедняцкой среде городов и местечек, где наиболее многочисленную группу составляла как раз еврейская беднота. Надо сказать, что бедняки-евреи алкоголем отнюдь не пренебрегали, но не имели обыкновения им злоупотреблять вне всякой меры подобно крестьянам, так что здесь большой беды от спиртных напитков не было. Следует, однако, заметить, что евреи охотно и умело использовали в своих интересах заведения Попечительства, где изначально всё было гораздо дешевле либо вообще бесплатно. Поэтому не приходится удивляться, что именно евреи как городские, так и местечковые, становились завсегдатаями чайных и народных читален, где с интересом наблюдали, в том числе, за движением «туманных картин» или «волшебного фонаря». Создававшаяся ситуация нарушала планы создателей Попечительства о народной трезвости, что не раз обсуждалось на заседаниях комитетов¹⁸.

В процессе реализации идеи строительства Народных домов появилась проблема, с которой не сталкивались члены комитетов Попечительства в губерниях, расположенных за чертой оседлости. Казалось бы, задача учреждений По-

¹⁶ Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 27.10. – № 73.

¹⁷ О том, что нередко контроль был крайне необходим, свидетельствует описание «народного бала», организованного в Шавли Шавельским уездным комитетом Попечительства о народной трезвости: «На открытии было много народу. К сожалению, публика была мало дисциплинированная: некоторых не особенно трезвых танцоров повели в участок для отрезвления» (Шавли // Северо-западное слово. – 1899. – 23.02. – № 98.).

¹⁸ Сведения о деятельности ковенского уездного комитета о народной трезвости со времени открытия его действий 30.07.1897 по 1.01.1898. Ч. 2 // Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1898. – 9.05. – № 32.

печительства о народной трезвости, в самом наименовании которого заложен смысл его деятельности – проявлять заботу о народной трезвости – совершенно понятна. Но данная задача не имела отношения к евреям, так как «народная трезвость» не подразумевала «всенародную» и трактовалась значительно уже. Представители еврейской нации, однако, ловко пользовались благами заведений, открытых Попечительствами, что с точки зрения государства было пустой тратой казенных денег. Более того, Устав Попечительств о народной трезвости четко определял сферу их деятельности, которая никак не была связана с тем, что можно было бы назвать, например, «распространением русской культуры и русского языка», хотя в уставе и шла речь о «широком поле просветительской деятельности», на ниве которой могли проявить инициативу председатели и члены комитетов¹⁹.

Поскольку создаваемые Попечительствами заведения, рассчитанные на российские условия, были вполне демократичны и не признавали никакого разделения по социальному, национальному или религиозному признаку, то комитеты в губерниях, входивших в пределы территории черты оседлости, в отношении евреев могли предпринять только следующее: одобрить их массовое присутствие, записав на свой счет определенного рода просветительское воздействие, в том числе, на такую достаточно обособленную в культурном, языковом, традиционном плане группу. Пожалуй, можно не сомневаться, что широкое знакомство евреев с русским языком и русской культурой было частично достигнуто именно благодаря работе комитетов Попечительства²⁰.

Однако в Ковенской губернии не еврейское население беспокоило Попечительство, его основная деятельность была обращена в иную сторону. Главным объектом заботы комитетов Попечительства о народной трезвости были литовцы, которые, как и русские, поляки, белорусы, немцы и латыши пили водку, гнали самогон, но вдобавок ко всему в массовом порядке провозили контрабан-

¹⁹ Конечно, как это часто бывает в России, то, чего не было в царском указе, объявлялось в дополнительных распоряжениях. Так, в марте 1901 г. в циркуляре Министерства финансов, адресованном комитетам Попечительств, содержалось предписание председателям, «особенно в местностях со смешанным в национальном и религиозном отношениях населением» проверить, «отвечают ли приглашенные из числа местных жителей члены своему нравственному призванию», что на практике означало, что при выборе членов Комитета Попечительства предпочтение будет отдано лицам русского происхождения (Край. – 1901. – 30.03 (12.04). – № 13.).

²⁰ Лишь к концу 1900 г. Главное управление неокладных сборов, которому в Министерстве финансов подчинялись Попечительства, занялось проблемой массового использования евреями заведений и мероприятий, организуемых Попечительствами. Вышло постановление, «чтобы в местечках, где по большей части проживают евреи, воздержаться от расходов на организацию народных гуляний». Это было признано «непродуктивным, потому что евреи в целом не злоупотребляют спиртным». Одновременно было поручено «направить деятельность главным образом в сторону сельского населения» (Край. – 1900. – 20.10 (02.11). – № 42. Рубрика «Просвещение и трезвость»).

дой дешевый, и потому зачастую некачественный, алкоголь из Восточной Пруссии²¹.

Кроме того, комитеты Попечительства видели свою задачу в том, чтобы их деятельность охватывала возможно большее число литовских селян. Конечно, в дни ярмарок любое местечко бурлило от приезжих крестьян, чайные и читальни были полны посетителей, которые особенный интерес проявляли к демонстрациям «туманных картин» и охотно принимали участие в народных гуляниях, но потом наступало долгое затишье до следующей ярмарки. Следовательно, учитывая затраты, которые приходилось нести для достижения результатов, комитетам Попечительства оказывалось просто невыгодно создавать ничего другого, кроме чайных, дешевых столовых и читален, в которых главным образом можно было продемонстрировать «туманные картины». Нельзя также не отметить, что низкая посещаемость заведений Попечительства во многом объяснялась незнанием литовскими крестьянами русского языка. На это обратил внимание один из корреспондентов «Края» („Kraju”) в Шавельском уезде, отметив положительное воздействие чайных и читален

на низшие слои городского населения, но не на сельский люд, не на земледельцев, в основном литовцев, которые говорят исключительно на литовско-жмудском языке, а потому на чтениях не бывают. Наверно, они нуждаются в духовной пище на родном языке²².

Отдавая себе отчет в том, что не стоит слишком увлекаться рассуждениями о литовском языке, дабы не спровоцировать вмешательство цензуры, автор статьи решил переключить внимание читателей на опыт Курляндской губернии. По этому поводу он, в частности, сообщил, что

у латышей в каждом местечке есть сельскохозяйственные товарищества, певческие кружки, народные театры, чтения – и все это на родном языке²³.

Итак, идея создать Народный Дом в городе Ковно зародилась в конце декабря 1898 г. или в самом начале 1899 г. Вот такое сообщение из Ковно размес-

²¹ Граница Ковенской губернии с Восточной Пруссией была протяженностью 298 км. Как пишет корреспондент “Kraju”, «проход контрабандиста с двумя жестяными бидонами спирта приносил ему около 4 рублей 45 копеек заработка» (*W. Kowno w lipcu. Kilka słów z powodu reformy wódczanej // Kraj. – 1897. – 22.08 (03.09). – Nr 34.*). Контрабандный неректифицированный спирт в Литве назывался «прусским» и, по мнению священника Юозаса Тумаса, «имел два достоинства: был дурной и дешевый» (*Kraj. – 1897. – 3 (15).01. – Nr 1. Рубрика «Заметки».* Это было обсуждение статьи, размещенной на страницах «Вестника трезвости» и посвященной проблеме пьянства в Литве).

²² *Gozdawa. Z szawelskiego w maju // Kraj. – 1898. – 5 (17).06. – Nr 23.*

²³ Там же.

тил на страницах «Северо-западного слова» собственный корреспондент виленской газеты:

Попечительство народной трезвости планирует адаптировать дом для себя к “Народному дворцу”, подобному таким домам в других городах²⁴.

Но вскоре было решено отказаться от затеи перестроить для своих нужд какое-либо здание, которое необходимо было еще купить. Тем более что в самом конце 1898 г. уездный комитет Попечительства в дар от железнодорожного инженера Ромуальда Лопатто получил в Ковно просторное здание, с примыкавшими к нему другими постройками и большим земельным участком площадью 566 квадратных саженей (1 кв. сажень составляет 4,5522 кв. м) или 2 576,55 кв. м. Стоимость подаренного здания и участка в 1899 г. была высока и составляла 55 000 рублей, прежде всего, по причине очень удачного расположения – в самом центре города (конец улицы Николаевской, напротив здания окружного суда), рядом с самым крупным ковенским рынком²⁵.

Председатель Ковенского уездного комитета Попечительства по договоренности с губернским комитетом заручился согласием и изыскал средства на строительство нового здания, в котором должен был разместиться Народный Дом. Всем планам и намерениям благоприятствовали следующие обстоятельства. План строительства нового здания и приспособления для особых нужд уже имеющегося дома и хозяйственных построек совершенно бесплатно разработал губернский инженер Николай Андреев, член уездного комитета. Почти сразу был найден исполнитель, согласившийся построить дом на собственные средства, прежде чем Комитет получит кредит в Виленском земельном банке под залог здания и участка и за счет этого кредита покроет расходы по строительству. Согласно произведенным расчетам, ремонт и строительство должны были обойтись в сумму 41 500 рублей. Комитет получил от банка кредит в размере 70 300 рублей, из которых было выплачено обременение, сохранявшееся за подаренным домом и земельным участком (29 000 рублей), 35 000 наличными было уплачено строителю, а 4 000 – сестре дарителя (как и предписывали его условия). Оставшаяся в результате всех выплат сумма в размере 2 300 рублей пошла на внутреннее обустройство здания²⁶. Накануне оплаты строительных работ оставалось 7 500 рублей, «на которые комитет предоставил предприни-

²⁴ Ковно // Северо-западное слово. – 1899. – 9.01. – № 53.

²⁵ Инженер Ромуальд Лопатто, преподнесший такой дар, поставил три условия: 1. Выплатить 4 000 рублей его сестре в случае продажи участка или дома; 2. Пожизненно предоставить той же сестре комнату в Народном доме; 3. Выплатить 29 000 рублей долга, сохранявшегося за подаренным домом и участком (Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 27.10. – № 73.).

²⁶ Отчет за 1900 г. Ковенского городского комитета Попечительства о народной трезвости. Ч. 1 // Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1901. – 10.03. – № 17.

мателю отдельные векселя с обязательством заплатить тремя партиями, причем 8 % сумм, которые не будут выплачены»²⁷.

Ни Виленский земельный банк, ни основной подрядчик-исполнитель строительных работ не опасались, что не дождутся выплат, поскольку гарантией сделки выступала государственная казна, из которой комитетам Попечительства ежегодно поступали субсидии. Строительство шло быстрыми темпами²⁸. 4 июня 1899 г. был заложен фундамент Народного дома, «созданного по инициативе Петра Столыпина и бывшего мирового посредника Николая Иванова»²⁹. Самого Петра Аркадьевича на торжествах по поводу закладки фундамента не было, но на них присутствовал уездный предводитель дворянства А.А. Миллер как председатель уездного комитета Попечительства. Начало строительства освятил священник церкви на Зеленой Горке в Ковно Дмитрий Успенский, также являвшийся членом уездного комитета Попечительства³⁰.

Уже 21 октября 1899 г. Народный Дом официально был открыт Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернатором В.Н. Троцким³¹, который накануне прибыл в Ковно по Неману, совместив свое участие в торжественной церемонии со служебным объездом части Ковенской губернии. На следующий день после богослужения в честь императора Николая II, прошедшего в кафедральном соборе, и после военного парада генерал-губернатор В.Н. Троцкий вместе с 64 приглашенными гостями присутствовал на обеде в доме П.А. Столыпина. Губернский печатный орган так описал этот прием: «Генерал-губернатор сидел справа от Ольги Столыпиной, а слева – старший из землевладельцев (Винценты – *Р. Ю.*) Монтвилл, напротив Петр Столыпин, и с одной его стороны – губернатор, а с другой – комендант крепости генерал-лейтенант Яков Гребенщиков. Присутствовали поляки: Монтвилл (Станислав – *Р. Ю.*), Пусловский (Михаил – *Р. Ю.*) и Комар»³². Речь генерала-губернатора В.Н. Троцкого была выдержана в духе требований этикета, соответствующего времени: после

²⁷ Отчет за 1900 г. Ковенского городского комитета Попечительства о народной трезвости. Ч. 1 // Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1901. – 10.03. – № 17.

²⁸ Следует подчеркнуть, что такие расходы были совсем не велики. Например, Народный дом в Ковно, строительство которого было начато 11 июля 1901 г., обошелся в 160 000 рублей, не считая стоимости участка, который Попечительству был отписан в дар от города. Причем, в Доме были запланированы только «театральный зал, библиотека, читальня и большая чайная» (*Z Kijowa // Kraj*. – 1901. – 20.07 (02.08). – № 29.

²⁹ Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 9.06. – № 38.

³⁰ Там же.

³¹ Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 16.10. – № 71; Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 27.10. – № 73. Сообщением из Ковно, где было сказано, что «в этом доме должна быть открыта юридическая консультация», отметила торжественное открытие газета-еженедельник «Край» (*Kowno // Kraj*. – 1899. – 5 (17).11. – № 45.).

³² Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 27.10. – № 73.

первого тоста за здоровье Его Императорского Величества почтили наиболее именитых гостей, а именно – польских помещиков, а затем генерал «коснулся вопроса об образовании крестьянского населения и просил помощи землевладельцев в этом деле»³³.

Вторым держал слово П.А. Столыпин, хозяин торжеств: он предложил тост за здоровье высокого гостя. Следующим был тост за здоровье Василия Тимофеевича Судейкина, видного российского экономиста-финансиста, занимавшего тогда должность управляющего канцелярией Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора³⁴. П.А. Столыпин чувствовал себя обязанным отметить также и других гостей, в частности, уездных предводителей дворянства и землевладельцев³⁵.

После следующего застолья – ужина, судя по времени его начала (в 20.30), на сей раз у губернатора – началось торжественное освящение (и вновь стараниями Д. Успенского) и открытие Народного дома. В прекрасно декорированном театральном зале член уездного комитета Попечительства К. Гуковский выступил с докладом об истории создания Народного Дома, «после чего хор из шестидесяти человек исполнил шесть песен и государственный гимн»³⁶.

Как же выглядел Народный Дом, обязанный своим созданием П.А. Столыпину? Как он функционировал? Почти все биографии будущего премьер-министра России отводят этому заведению едва ли пару предложений³⁷, ссылаясь, прежде всего, на М.П. Бок³⁸. В этом смысле ничем не отлича-

³³ Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 27.10. – № 73.

³⁴ Василий Судейкин (1857–1918) – экономист, преподаватель университета, публицист. Подробнее о нем см.: *Чебаненко Е.Н.* Василий Тимофеевич Судейкин // *Очерки по истории финансовой науки / под редакцией В.В. Ковалева.* – Москва: Проспект, 2010.

³⁵ На приеме присутствовали следующие предводители: Тельшевский – Александр Шульц, Новоалександровский (Езёровский) – П.В. Верёвкин и Ковенский – А.А. Миллер (Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 27.10. – № 73).

³⁶ Там же. Об открытии Народного дома также написал ковенский корреспондент виленского «Северо-западного слова»: «Итак, у нас в Ковно открылось учреждение, которому суждено играть видную роль. Внешний вид здания и его отделка вполне соответствуют той высокой цели, которую должен преследовать народный дом. Это в полном смысле слова храм просвещения, отличающийся красивой архитектурой» (*Novus.* Ковно // *Северо-западное слово.* – 1899. – 28.10. – № 341).

³⁷ *Бородин А.П.* Столыпин. Реформы во имя России. – Москва: Вече, 2004. – С. 14; *Федоров Б.Г.* Петр Столыпин: Я верю в Россию. Биография П.А. Столыпина. – Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2002. – Т. 1. – С. 129; *Сидорович Г.П.* Петр Аркадьевич Столыпин. Жизнь за отечество. – Москва: Поколение, 2007. – С. 46.

³⁸ «...и много времени он проводил там, следя за устройством ночлежного отделения, чайной, за правильной постановкой чтения для рабочих и народа вообще, за устройством представлений и народных балов» (*Бок М.* Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине // *Российские судьбы. Жизнеописания, факты и гипотезы, портреты и документы в 30 книгах.* – Москва: Новатор, 1998. – С. 20).

ется «Энциклопедия...», посвященная П.А. Столыпину, в которой также находим минимальную информацию³⁹. А между тем Народный Дом стал, без преувеличения, начинанием масштабным. Можно смело утверждать, что в общественной жизни Ковно вплоть до падения Российской империи не было создано ничего, подобного ему, ничего, что отличалось бы таким размахом.

Разработанные в конце 1898 г. планы были по-настоящему смелыми, масштабными, и – приходится признать – дорогостоящими, но благодаря вовлеченности в процесс их реализации П.А. Столыпина, они были выполнены не просто полностью, а с превышением. В феврале 1899 г. «Ковенские губернские ведомости» сообщали:

Здание будет вмещать в себя громадный, в два просвета, зал для народной аудитории с приспособлением для устройства в нем представлений, читальню, чайную, столовую, ночлежный и заезжий дом с номерами (около 20) для приезжих⁴⁰.

Здесь же приводилось описание, как должно выглядеть главное здание Народного Дома: «Фасад главного здания, по проекту, будет устроен в русском стиле с возвышающейся над зданием башней в 8 сажень (17,07 м – Р. Ю.)»⁴¹. Спустя несколько месяцев после начала строительства, когда уже велись работы внутри здания, в той же газете вновь был напечатан материал о строящемся Народном Доме:

В конце нашего Николаевского проспекта, против окружного суда, невольно поражаешься видом красующегося здания «Народного Дома». Здание с привлекающей взор своей красивой фронтальной стороной и стремящейся в небо башенкой. Постройка целого дома уже близится к концу, стены и крыша возведены давно, а теперь идет внутренняя отделка. Дом трехэтажный. Наружная сторона со своими сводчато-стрельчатыми окнами и расписными стенами производит впечатление чего-то оригинального, величественного <...>. Во дворе тянется громадный каменный флигель. В нем будет устроена гостиница⁴².

Судя по всему, под впечатлением от увиденного корреспондент газеты счел необходимым детализировать описание интерьера:

Но вот и входите внутрь. В нижнем этаже вы вступаете в обширную залу в один свет: эта зала предназначена для чайной. Во втором этаже такая же зала, но в два

³⁹ К.А. Соловьев, автор энциклопедической статьи «Предводитель дворянства», тоже приводит только упомянутую цитату из воспоминаний старшей дочери П.А. Столыпина (Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия / ответственный редактор В.В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2012. – С. 486).

⁴⁰ Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 6.02. – № 9.

⁴¹ Там же. Одна сажень составляет 2,1336 м.

⁴² Ковенский народный дом // Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 31.07. – № 52.

света с хорами и сценой: здесь будут устраиваться спектакли, народные чтения и концерты. Зала эта очень обширная, может поспорить даже с нашей театральной. Приезжие знаменитости могут давать здесь и концерты, не рискуя простудиться от сквозняков, как в нашем городском театре⁴³.

В очередном номере ковенской газеты читателям сообщалось еще больше подробностей:

... пространство чайной 120 квадратных сажений (546,26 кв. м. – *Р. Ю.*), в нем две комнаты: 1. для «простой публики»; 2. для «привилегированных» посетителей. Летом рядом с чайной будет открытая веранда площадью 60 квадратных аршинов. Зал для спектаклей, чтений и других находится на втором этаже. Этот зал в два света, со сценой и балконами вокруг – на 700 человек. При нем особое помещение для народной библиотеки и народной читальни. Во дворе двухэтажный каменный дом, примыкающий к описанному зданию, будет служить гостиницей. В нем внизу будет устроено ночлежное помещение на 100 мужчин и 40 женщин. В верхнем же этаже – 14 небольших комнат, которые будут сдаваться за самую недорогую плату посуточно и помесечно. Во дворе Народного Дома будет устроен для заездов громадный навес⁴⁴.

Разработанный и успешно реализуемый проект был прост, но вполне функционален. Например, чайная, расположенная на первом этаже, имела еще один дополнительный вход с улицы, а внутри здания она была соединена лестницей с концертным залом.

Состоявшееся 21 октября 1899 г. торжественное открытие Народного Дома Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернатором В.Н. Троцким отнюдь не означало, что все строительные работы были завершены, особенно это касалось старого строения, которое приспособляли для нужд Попечительства, и каменного флигеля. Так, ночлежный дом, который располагался как раз во флигеле, был готов к эксплуатации только 1 марта 1900 г. Он представлял собой два просторных помещения с койками, для 64 мужчин и 24 женщин соответственно, разделенных комнатой сторожа и сторожкой. В ночлежке также была «умывальная комната с цементным полом», устройство которого было в те времена очень современным решением, что неоднократно (не без гордости) подчеркивалось в отчетах. На втором этаже было оборудовано 15 отдельных

⁴³ Ковенский народный дом // Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 31.07. – № 52.

⁴⁴ Ковенский народный дом // Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1899. – 4.08. – № 53. Ковенский репортер «Края» писал, что зал «для народных представлений» двухэтажный, наверняка, имея в виду партер и балконы. Он также отметил, что «инициатором строительства был губернский предводитель дворянства П. Столыпин» (*Wawer. Kowno, 19 września // Kraj. – 1899. – 1 (13).10. – Nr 40.*

комнат: «одна на 3 кровати, две – на 2 кровати и 12 на одну кровать»⁴⁵. Плата за ночлег была невысока и зависела от времени года. За ночлег зимой (с 1 сентября до 1 апреля) в общих помещениях – со спальными местами на нарах платили 5 копеек, а летом (с 1 апреля до 1 сентября) – 4 копейки. За отдельную комнату на одного человека надо было выложить 20 копеек, за комнату, рассчитанную на двоих, – 30 копеек, а комната с тремя койками обходилась в 50 копеек. Туалеты, мужские и женские, находились напротив флигеля, рядом с конюшней и каретным двором. Плата за пользование конюшней и каретным двором составляла 3 копейки с лошади. Пришедшие из деревни женщины с детьми имели льготы по оплате. Как летом, так и зимой они не платили за одного ребенка, если детей было больше одного; зимой за каждого следующего ребенка полагалось заплатить 3 копейки, а летом – 2 копейки⁴⁶.

Следует признать, что идея создания ночлежного дома, конюшни и так называемого каретного двора для повозок и телег оказалась весьма ко времени⁴⁷. О чрезвычайной популярности ночлежного дома среди приезжих свидетельствуют данные уже за первые десять месяцев его функционирования (точнее, с 1 марта по 31 декабря 1900 г.). За этот период в нем «8289 человек остались на ночь, из которых 3972 из города и местечек (3457 мужчин и 515 женщин). 4317 приехали из деревни (4098 мужчин, 216 женщин и 3 детей). 2665 из них заняли комнаты, было принято 2636 телег и 2999 лошадей»⁴⁸. В результате был получен доход в размере 1 148 рублей 39 копеек. Это позволило предположить, что «в течение года доход от ночлежного дома будет составлять половину всех расходов на содержание всего Народного Дома»⁴⁹.

Таким образом, заявленная городским комитетом Попечительства цель – отвлечь от пьянства «массы крестьян, которые приезжали в Ковно, останавливались в дешевых еврейских ночлежках, где погрязали в пьянстве и распутстве, распространенном в губернском городе» – была достигнута. Низкие цены и сносные условия предоставляемого ночлега, а вдобавок расположенная в соседнем здании дешевая столовая, оказались очень привлекательны для огром-

⁴⁵ Отчет за 1900 г. Ковенского городского комитета Попечительства о народной трезвости. Ч. 1 // Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1901. – 10.03. – № 17.

⁴⁶ Объявление на первой странице «Прибавления к «Ковенским губернским ведомостям». – 1900. – 1.03. – № 16.

⁴⁷ Надо отметить, что для Ковенской губернии такая идея не была новостью. Уже в декабре 1898 г. Тельшевский уездный комитет попечительства во главе с предводителем дворянства А. Шульцем, открывая вторую по счету в городе чайную, заменил «старую, состоявшую из нескольких комнатушек с постелями, и большой конюшней, на закусочную для приезжих, которые могли найти здесь ночлег и место для лошадей» (*Kaktus. Telsze guberni kowieńskiej w grudniu* // Kraj. – 1898. – 12(24).12. – Nr 50).

⁴⁸ Отчет за 1900 г. Ковенского городского попечительства о народной трезвости. – Ч. 1.

⁴⁹ Там же. Расходы на содержание ночлежного дома, которые, главным образом, свелись к стирке постельного белья, составили 221 рубль 81 копейку.

ного количества гостей города. Приезжие безропотно приспособивались ко времени работы Дома: двери ночлежного дома были открыты зимой с 17.00 до 9.00 утра, а летом – с 18.00 до 8.00 утра. Также расчет был сделан и на то, что к ночлежному дому немалый интерес проявят сплавщики, которых в те времена было множество летом на Немане, а также сезонные рабочие, приходящие в город на заработки, но не спешащие при этом арендовать жилье⁵⁰.

В отчете, представленном по результатам функционирования ночлежного дома за первые десять месяцев (на который уже приходилось ссылаться), пояснялось, ради чего всё это создавалось: «чтобы привлечь более богатых крестьян, писателей, разночинцев, которые не хотели спать на койках – были построены комнаты с необходимыми удобствами»⁵¹. Своими успехами ночлежный дом во многом был обязан деятельному участию в его делах вдовы ковенского судебного чиновника Ольги Иосифовны Лилиенберг, близкой знакомой семьи Столыпина. В первом отчете о деятельности Народного Дома читаем, что именно «благодаря ее постоянной заботе, в ночлежном доме преобладает безупречная чистота и порядок»⁵².

Петр Аркадьевич Столыпин умел подбирать сотрудников, среди которых можно назвать, например, супругу Ю. Любича-Ярмоловича-Лозино-Лозинского – Софию. Активно и с полной отдачей она участвовала в обустройстве второй чайной-столовой в Работном Доме, открытой в Ковно по инициативе Городского комитета⁵³, работая вместе со своим мужем и уже дважды упомянутой выше О.И. Лилиенберг, названной М.П. Бок «самой близкой из знакомых, приезжающих к нам в Колноберже из Ковны <...> она была у нас своим человеком в доме»⁵⁴. По воспоминаниям старшей дочери П.А. Столыпина, Ольга Иосифовна была «женщиной весьма энергичной и деятельной, и верной помощницей папа при устройстве Народного Дома. Во всех вопросах, где женский, практичный ум нужнее мужского, мой отец обращался к ней, и я помню, с какой похвалой он отзывался о ее советах и мероприятиях»⁵⁵.

⁵⁰ Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1900. – 1.03. – № 16.

⁵¹ Отчет за 1900 г. Ковенского городского комитета Попечительства о народной трезвости. – Ч. 1.

⁵² Там же.

⁵³ Прибавление к «Ковенским губернским ведомостям». – 1901. – 13.10. – № 73.

⁵⁴ Бок М. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. – С. 52. Ольга Иосифовна была вдовой Евгения Ивановича Лилиенберга (ум. 7 июня 1897 г.), судьи Ковенского окружного суда. Судя по всему, отношения О.И. Лилиенберг с семейством Столыпина были очень близкими, коль скоро на той же самой странице М.П. Бок далее пишет: «Она много времени проводила с детьми, шила и вязала всякие вещи для дома и для нас, а вечером сидела с папа и мама в кабинете и слушала чтение».

⁵⁵ Там же.

Заклучение

В связи с постройкой Народного дома в Ковно возникает вопрос: «Какой из аспектов деятельности Попечительства в Ковенской губернии представлял для П.А. Столыпина наибольшую важность?» Было ли это стремление «внести луч света в царство тьмы» и «вызволить народ из плена дурных привычек», или стремление расположить литовцев, евреев, поляков к русскому языку и русской культуре, посредством чего открывать перед ними иные, лучшие стороны Российского государства? Трудно сказать определенно, каковы были взгляды и цели П.А. Столыпина. Но на основании имеющегося материала можно предположить, что для государственного деятеля, каковым был уездный и губернский предводитель дворянства (резвонник и борец с пьянством) – оба эти фактора были одинаково важны. Более того, деятельность П.А. Столыпина свидетельствует о том, что все его помыслы и действия были объединены идеей блага России, временами понимаемой весьма широко. Наиважнейшим делом жизни для Петра Столыпина всегда оставалось служение Отечеству.

Introduction

The activities and personality of Pyotr Arkadyevich Stolypin were repeatedly mentioned and evaluated in Polish historiography after the Second World War, especially when the state policy in relation to the Polish lands and Poles in the late imperial period was described and analyzed. Much less works devoted directly to the figure of P. Stolypin have been written in Polish, although in 1972 Ludwik Bazyłow, the most prominent post-war Polish specialist in the history of Russia, published an excellent monograph which focuses on P. Stolypin.¹ L. Bazyłow's research remains the most complete and so far unsurpassed biography of the Russian politician, written by a foreign historian. Unfortunately, contemporary Russian researchers of P. Stolypin's life and work are still not familiar with this monograph. Despite the book being published in 1972, during the so-called real socialism and strict censorship, it is characterized by strict scientific objectivity and comprehensive coverage of the history of Russia during the period when P. Stolypin took high government positions.

There is also a short text about P. Stolypin written by Jarosław Nieścioruk² published in 2007 which is based exclusively on the latest Russian studies that appeared

¹ L. Bazyłow, *Ostatnie lata Rosji carskiej. Rządy Stołypina* (Warsaw: PWN, 1972).

² J. Nieścioruk, *Piotr Stołypin. Życie i działalność polityczna* (Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2007).

after 1991. In fact, this booklet retelling other people's concepts is of very little historiographical value.

The third monograph about P. Stolypin was my book, written in 2015 and devoted exclusively to the life and work of P. Stolypin in the western provinces of the Russian Empire. The monograph covers the period between 1889 and 1903, its first part being devoted to P. Stolypin's father, General Arkadii Stolypin, members of his family, his children and the study of the Stolypin brothers (Mikhail and Pyotr) at Vilna gymnasium.³ The book is based on new, previously unpublished materials from Lithuanian and Belarusian archives and fills the gap in the historical research of P. Stolypin's personality because before it was published, no research works regarding the beginning of the outstanding statesman's political career had been available. The monograph also contains a voluminous appendix including 15 texts translated by the author from Russian into Polish, among which there are several previously unknown documents by P. Stolypin which were found in the archives and old journals. In 2018, a revised and abridged version of this monograph was published in English.⁴

The 2004 source study publication by Alexander Achmatowicz in the journal *Przegląd Wschodni*⁵ is an extensive selection of sources about P. Stolypin from the memoirs of V. Maklakov, V. Kokovtsov, M. Bock and others, but mainly from the book by A. Zen'kovskii.⁶ Unfortunately, all source texts are given in the original language, that is, in Russian, and do not have a Polish translation, which, given the increasingly rare knowledge of this language in Poland, especially among younger historians, does not contribute to the spread of knowledge about P. Stolypin.

At the end of this short historiographical review, I will mention several of my publications about P. Stolypin. The first one was an article in the collection of materials of the 2012 Moscow conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of P. Stolypin, where I delivered a paper.⁷ The next three articles about P. Stolypin were published in 2014. Those texts were devoted to his career as an official in Kovno

³ R. Jurkowski, *Kowieński marszałek, grodzieński gubernator. Kresowe początki kariery politycznej Piotra Stołypina (1889–1903)* (Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2015).

⁴ R. Jurkowski, *Peter Stolypin – The Early Stage of His Political Career 1889–1903* (Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2018).

⁵ A. Achmatowicz, "Niezrealizowane projekty reform premiera rządu rosyjskiego i ministra spraw wewnętrznych Piotra Stołypina (1906–1911)," *Przegląd Wschodni*, vol. 9, no. 3 (35) (2004): 657–711.

⁶ A.V. Zen'kovskii, *The Truth about Stolypin* [in Russian] (New York: Vseslavyanskoe izdatel'stvo, 1956).

⁷ R. Jurkowski, "P.A. Stolypin in the Memoirs of the Polish Landowners of Northwestern Krai" [in Russian], in *Stolypin Readings. The Path of Modernizing Russia: from Stolypin to Modernity. International Scientific and Practical Conference*, 137–49 (Moscow: Media-Print, 2012).

Governorate,⁸ to the Kolnoberzhe⁹ manor near Kiejdany¹⁰ and his guardianship of the theatre in the People's House in Kovno.¹¹ In 2015, two more of my articles about P. Stolypin were published,¹² and in 2017 an article was published on the cultural, educational and charitable activities of P. Stolypin in Grodno.¹³

The figure of P. Stolypin does not arouse special interest in Polish historiography, which can be explained by the fact that his activities after 1906 as Minister of Internal Affairs and Prime Minister of Russia were directed against national minorities residing in the Russian Empire, and especially against Poles. However, without studying and understanding his personality and his work, it is impossible to conduct a reliable analysis of Polish-Russian relations in the last years of the Romanov Empire.

Main body

Turning to the history of the People's House in Kovno, we should note that the idea of its creation belonged to Pyotr Arkadyevich Stolypin, who successfully brought that idea into life.¹⁴ It is important to note what goals were supposed to be achieved when he took the trouble to construct, equip and organize the activities of so large an institution on Kovno scale. In this regard, it should be emphasized that P. Stolypin was characterized by the ability to quickly respond to the current situation, to analyze and draw adequate conclusions. So, two years had not passed after

⁸ R. Jurkowski, "Piotr Stołypin jako marszałek szlachty w guberni kowieńskiej 1889–1902. Nominacje, rangi order i medale," *Zeszyty Naukowe*, vol. 28 (2014): 226–38.

⁹ The spelling "Kolnoberzhe" was used in the time of the Stolypins, now the name is spelled "Kalnaberžė." The Kolnoberzhe manor was located near Kiejdany (now the city of Kėdainiai in Lithuania).

¹⁰ R. Jurkowski, "Majątek wygrany w karty – jak po powstaniu styczniowym litewskie Kałnoberże znalazły się w rękach rodziny Stołypinów," *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, vol. 48, no. 2 (2014): 5–21.

¹¹ R. Jurkowski, "Udział Piotra Stołypina w życiu teatralnym Kowna w latach 1899–1901," *Studia Białorutenistyczne*, vol. 8 (2014): 59–69.

¹² R. Jurkowski, "Acquaintances from the Remote Lands. Polish Deputies of the State Duma and the State Council from Northwestern Krai and Their Relationship with P.A. Stolypin in 1906–1911" [in Russian], in *Tauride Readings 2014. Topical Problems of Parliamentarism: History and Modernity. International Scientific Conference, St Petersburg, Taurida Palace, December 11–12, 2014: Collection of Scientific Articles*, in 2 parts, ed. A.B. Nikolaev (St Petersburg: ElekSis, 2015), part 1, 233–45; R. Jurkowski, "Działalność Piotra Stołypina w guberni kowieńskiej w latach 1889–1902. Próba bilansu," *Przegląd Wschodni*, vol. 13, no. 4 (52) (2015): 1059–78.

¹³ R. Jurkowski, "Cultural, Educational and Charitable Activities of Pyotr Stolypin as Governor of Grodno in 1902–1903" [in Russian], *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 3 (20) (2017): 49–62.

¹⁴ When the construction work was in full swing, the newspaper *Kovenskie gubernskie vedomosti* [Kovno Governorate gazette] wrote: "For its existence, this house will be entirely indebted to P.A. Stolypin, who is the main initiator of its construction and even an overseer of work in the house" ("Kovno People's House" [in Russian], *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 52, July 31, 1899).

the opening of the first teahouse before he became fully aware that the opening of the next teahouse would by no means contribute to the effective solution of the tasks set before the Guardianships of Public Sobriety, not to mention the fact that such activities turned out to be very costly. This state of affairs was typical not only for Kovno; the situation was similar in other cities and governorates. In the summer of 1899, *Vestnik finansov* [Finance bulletin] wrote about this:

Organization of a teahouse is the main area of activities of the Guardianship's committees, but it does not stand on firm ground since there are high costs for renting premises, high costs for managing a teahouse, which are still deficit and the deficit is covered by the state budget.¹⁵

On this basis, the print media of the Ministry of Finance came up with a proposal to completely eliminate unprofitable teahouses. The proposal was not overly radical, since it made the provision for keeping open those teahouses which covered their own expenses at least partially or replacing them with tea canteens. The establishments of that kind (teahouses and canteens) were considered to be the establishments which could attract many visitors from the poorest strata of population, who were believed to be more prone to alcohol abuse than others.

It can be assumed that for a Russian official in the western provinces, such as P. Stolypin was during the period described, in addition to financial considerations (which perhaps were not of utmost importance because the state treasury provided the Guardianship committees with monetary funds acquired from trade in alcohol), the intended change in the nature of activities of the Guardianship committees pursued another important goal. It consisted in real and not occasional acquaintance of the local population with Russian culture and the Russian language. In fact, the scale of the plan required much space, which such city as Kovno could provide. It had both a lot of residents of its own and a lot of visitors who came on business from the surrounding areas; as K. Gukovskii put it at the opening of the People's House, "there was not enough room for the arriving peasants in the teahouse and in the canteen and they also could not leave their carts, so they slept in them."¹⁶

On top of that, concentration of several institutions in one place allowed more precise control over their activities, which, as practice showed, was a matter the importance of which could not be diminished in any way.¹⁷ All things considered, the

¹⁵ "Vilna tea canteen" [in Russian], *Severo-zapadnoe slovo*, no. 252, July 31, 1899. In order to improve the financial situation of the tea house at least partially, in March 1898 "trade in tobacco products in teahouses and cheap folk kitchens was allowed without paying any patent" (B. K. [Bogdan Kutylowski], "Dobroczytność publiczna," *Kraj*, no. 12, March 21 (April 4), 1898.

¹⁶ *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 73, October 27, 1899.

¹⁷ The fact that control was often extremely necessary is evidenced by the description of the "people's ball" organized in Shavli by the Shavli uyezd committee of the Guardianship of Public Sobriety: "There were a lot of people at the opening. Unfortunately, the audience was not very dis-

choice of Kovno is obvious. In addition, it was necessary to take into account the fact that most often the residents of the governorate capital or uyezd cities rather than villagers took part in the events organized by the Guardianship. It is city dwellers who had to deal with the organizations subordinate to the committees of the Guardianship more often. The urban poor, who the initiatives of the Guardianship were intended for, were mostly represented by Jews, who (for religious reasons) could not have ended up in the group of “alcohol abusers.” Was it a vicious circle? Does it mean that nothing but traditional teahouses and canteens could be expected in urban conditions?

The committees of the Guardianship intended to combat drunkenness, which was prevalent mainly among the poor residents of cities and towns, where the Jewish poor were the most numerous group. I must say that poor Jews did not ignore alcohol, but they did not tend to abuse it beyond any measure as peasants did, so there was no big trouble caused by alcoholic beverages there. It should be noted, however, that Jews willingly and skillfully used the Guardianship’s establishments, which offered everything at much lower prices or even for free, for their own benefit. Therefore, it is no surprise that urban and shtetl Jews became regulars in teahouses and public reading rooms, where, among other things, they enjoyed the “dissolving views” or “magic lantern.” Such situation did not comply with the plans of the founders of the Guardianship of Public Sobriety, which was repeatedly discussed at the meetings of the Guardianship’s committees.¹⁸

In the process of implementing the idea of People’s Houses, there arose the problem which the members of the Guardianship committees did not face in the governorates located beyond the Pale of Settlement. The task of the establishments of the Guardianship of Public Sobriety, whose name suggested the objective of its activities, which was to show concern for public sobriety, seemed completely clear. But this task had nothing to do with Jews, since “public sobriety” did not imply “nationwide sobriety” and was interpreted in much narrower sense. Representatives of the Jewish nation, however, deftly used the benefits of the establishments opened by the Guardianship, which from the point of view of the state was a waste of state money. Moreover, the Charter of the Guardianships of Public Sobriety clearly defined the scope of their activities, which were in no way connected with what could be called, for example, “the spread of Russian culture and the Russian language,” although the charter mentioned “a wide range of educational activities,” within which the chairmen and members of the committees could take the initiative.¹⁹

ciplined: some not particularly sober dancers were taken to the police station for sobering up” (“Shavli” [in Russian], *Severo-zapadnoe slovo*, no. 98, February 23, 1899).

¹⁸ “Information on the Activities of the Kovno Uyezd Committee on Public Sobriety from the Beginning of its Activities on July 30, 1897 to January 1, 1898” [in Russian], part 2, *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 32, May 9, 1898.

¹⁹ Of course, as it often happens in Russia, what was not included in the tsar’s decree was announced in supplemental orders. Thus, in March 1901, the circular of the Ministry of Finance ad-

Since the establishments founded by the Guardianships were intended for Russian conditions, were completely democratic and did not recognize any division on social, ethnic or religious grounds, the committees in the governorates within the territory of the Pale of Settlement could do only one thing with regard to Jews: to approve of their massive presence and to take the credit for a certain kind of educational impact, among other things, on the group which is quite isolated in terms of culture, language, and traditions. There might be no doubt that the familiarity of Jews with the Russian language and Russian culture was partially achieved due to the activities of the Guardianship's committees.²⁰

However, the Jewish population was not the main concern of the Guardianship in Kovno Governorate; its main activities were directed to something else. Lithuanians were the main concern of the committees of the Guardianship of Public Sobriety. Like Russians, Poles, Belarusians, Germans and Latvians, they drank vodka and distilled it at home, but in addition to that they smuggled cheap and, therefore, often low-quality alcohol from East Prussia.²¹

Furthermore, the committees of the Guardianship saw their task in ensuring that their activities cover the largest possible number of Lithuanian villagers. Of course, on the days of the fairs, any place was crowded with visiting peasants, teahouses and reading rooms were full of visitors who showed particular interest in "dissolving views" and willingly took part in public festivities, but then there was a long lull until the next fair. Consequently, given the costs that had to be borne to achieve the results, the Guardianship committees found it simply unprofitable to create anything other

dressed to the committees of the Guardianship contained an order to the chairpersons, "especially in areas with a mixed ethnic and religious population," to check "whether the members invited from among the local residents meet their moral vocation," which in practice meant that when electing members of the Guardianship committee, preference would be given to the persons of Russian origin (*Kraj*, no. 13, March 30 (April 12), 1901).

²⁰ Only by the end of 1900, the Department of Unassessed Taxes at the Ministry of Finance, which the Guardianships were subordinate to, had started dealing with the problem of Jews massively using the establishments and events organized by the Guardianships. A decree was issued "to refrain from spending funds on organizing festivities in the towns with the Jewish majority population." It was deemed "unproductive because Jews in general do not abuse alcohol." At the same time, the Guardianships were instructed "to direct the activities mainly towards the rural population" (Education and sobriety, *Kraj*, no. 42, October 20 (November 2), 1900).

²¹ The border between Kovno Governorate and East Prussia was 298 km long. As a correspondent of the *Kraj* wrote, "a smuggler passing through with two tin cans of alcohol could get about 4 rubles 45 kopecks in earnings." (W. "Kowno w lipcu. Kilka słów z powodu reformy wódczanej," *Kraj*, no. 34, August 22 (September 3), 1897) In Lithuania, contraband unrectified alcohol was called Prussian and, according to the priest Juozas Tumas, "it had two advantages: it was bad and it was cheap" (Newspaper items, *Kraj*, no. 1, January 3 (15), 1897. It was a discussion of an article published in *Vestnik trezvosti* [Bulletin of Sobriety] dedicated to the drink problem in Lithuania.

than teahouses, cheap canteens and reading rooms where it was possible to display “dissolving views.” It is also necessary to point out that poor attendance at the Guardianship’s establishments in many ways could be accounted for by the fact that Lithuanian peasants did not know the Russian language. One of the *Kraj* correspondents in Shavli Uyezd drew attention to this and noted the positive impact of teahouses and reading rooms

on the lower strata of the urban population, but not on the rural people, not on the farmers, mainly Lithuanians, who speak only the Lithuanian Zhmudian language and therefore do not attend readings. They probably need spiritual food in their native language.²²

Realizing that one should not get too carried away with the discussions of the Lithuanian language so as not to provoke the intervention of censorship, the author of the article decided to switch the readers’ attention to the experience of Courland Governorate. In particular, he reported that

Latvians have agricultural associations, singing groups, folk theatres, readings in every settlement – and that in their native language.²³

So, the idea to create such a People’s House emerged at the end of December 1898 or at the very beginning of 1899. The following news item from Kovno was published in the pages of *Severo-Zapadnoe Slovo* [Northwestern Word] by a staff correspondent of the Vilna newspaper:

The Guardianship of Public Sobriety is planning to adapt for itself a building for the “People’s Palace” similar to such houses in other cities.²⁴

But soon it was decided to give up the idea of reconstructing a building, which still needed to be purchased. Moreover, at the very end of 1898, the uyezd committee of the Guardianship received a donation from Romuald Lopatto, a railway engineer. It was a spacious building in Kovno with other constructions adjoining it and a large plot of land with the area of 566 square sazhen (1 sq. sazhen equals to 4.5522 sq. m.) or 2576.55 sq. m. In 1899 the cost of the donated building and the land was high and amounted to 55,000 roubles, primarily due to a very good location, right in the center of the city (the end of *Nikolaevskaya ulitsa* [Nicholas Street], opposite the building of the district court), next to the largest Kovno marketplace.²⁵

²² Gozdawa, “Z szawelskiego w maju,” *Kraj*, no. 23, June 5(17), 1898.

²³ Ibid.

²⁴ “Kovno” [in Russian], *Severo-Zapadnoe Slovo*, no. 53, January 9, 1899.

²⁵ Engineer Romuald Lopatto who made the donation set three conditions: (1) to pay 4,000 roubles to his sister in the event of selling the land or the house; (2) to grant that same sister a room

By agreement with the governorate committee, the chairman of the Kovno uyezd committee of the Guardianship secured the consent and raised funds for the construction of a new building to accommodate the People's House. All plans and intentions were favored by the following circumstances. The blueprints for the new building and for the reconstruction of the existing building and structures to meet special needs were prepared free of charge by Governorate Engineer Nikolai Andreev, a member of the uyezd committee. Almost immediately, a contractor was found who agreed to erect the building using his own funds before the Committee received a loan from the Vilna land bank mortgaging the building and the land, and through this loan covered the construction costs. According to the calculations, repair and construction works would cost 41,500 roubles. The committee received a loan from the bank in the amount of 70,300 roubles, of which the encumbrance retained for the donated house and land plot (29,000 roubles) was paid; 35,000 in cash were paid to the contractor; and 4,000, to the sister of the donor (as specified by his terms). The amount of 2,300 roubles remaining as a result of all payments went to the interior decoration and furnishing of the building.²⁶ On the eve of payment for construction work, 7,500 roubles remained payable, "for which the committee provided the entrepreneur with separate promissory notes with the obligation to pay in three tranches, 8 per cent of the amounts not payable."²⁷

Neither the Vilna land bank nor the main contractor of the construction work were afraid that they would not receive payments, since the state treasury which gave the Guardianship committees annual subsidies acted as a guarantee of the transaction. Construction proceeded at a rapid pace.²⁸ On June 4, 1899, the foundation of the People's House, "established on the initiative of Pyotr Stolypin and an ex-conciliator Nikolai Ivanov,"²⁹ was laid. Stolypin himself was not present at the ceremony of laying the foundation, but uyezd Marshal of Nobility A. Miller, Chairman of the uyezd committee of the Guardianship, was there. The commencement of construction was consecrated by Dmitry Uspenskii, a priest of the church on Zelenaya Gorka in Kovno, who was also a member of the uyezd committee of the Guardianship.³⁰

in the People's House for life; (3) to pay 29,000 rubles of the remaining debt for the house and land donated (*Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 73, October 27, 1899).

²⁶ "Report of the Kovno City Committee of the Guardianship of Public Sobriety for the year 1900" [in Russian], part 1, *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 17, March 10, 1901.

²⁷ Ibid.

²⁸ It should be stressed that such expenses were not great at all. For example, the People's House in Kiev, the construction of which began on July 11, 1901, cost 160,000 roubles, not counting the cost of the land, which was donated to the Guardianship by the city. Moreover, only "a theater hall, a library, a reading room and a large teahouse" were planned in the House ("Z Kijowa," *Kraj*, no. 29, July 20 (August 8), 1901).

²⁹ *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 38, June 9, 1899.

³⁰ Ibid.

As early as on October 21, 1899, the People's House was officially opened by Vilna, Kovno and Grodno Governor-General V. Trotskii,³¹ who had arrived in Kovno along the Neman the day before to combine participation in the ceremony with an official inspection tour of a part of Kovno Governorate. The day after the service in honor of Emperor Nicholas II in the cathedral, and after the military parade, Governor-General V. Trotskii together with 64 other guests attended a dinner party at P. Stolypin's house. The press organ of the governorate described the reception as follows: "The Governor-General was sitting to the right of Olga Stolypina, and to the left was Montwiłł, the eldest of the landowners (Wincenty – R. J.), opposite was Pyotr Stolypin, and on one side of him was the governor, and on the other, the commandant of the fortress, Lieutenant General Yakov Grebenshchikov. Poles were present: Montwiłł (Stanislav – R. J.), Puslovski (Mikhail – R. J.) and Komar."³² The speech by Governor-General V. Trotskii was steeped in the etiquette of the time: after the first toast to the health of His Imperial Majesty, the most eminent guests, namely the Polish landowners, were honored, and then the general "touched upon the issue of education among the peasant population and asked the landowners for help in that matter."³³

P. Stolypin, the host of the celebration, was the second to speak. He proposed a toast to the health of the honored guest. Then followed a toast to the health of Vasilii Timofeevich Sudeikin, a prominent Russian economist and financier who held the position of the office manager of the Vilna, Kovno and Grodno Governor-General³⁴ at the time. P. Stolypin felt obliged to note other guests, in particular, uyezd marshals of nobility³⁵ and landowners.

After the next feast – judging by the time it began (at 20.30), a supper, at the Governor's this time – solemn consecration (and again through the efforts of D. Uspenskii) and the ceremony of the People's House opening began. In a beautifully decorated theatre hall, K. Gukovskii, a member of the uyezd committee of the Guardianship, delivered a report on the history of the People's House, "after which a choir of sixty people sang six songs and the national anthem."³⁶

³¹ *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 71, October 16, 1899; *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 73, October 27, 1899. The weekly newspaper *Kraj* marked the opening ceremony with an item from Kovno which said that "a legal aid office is to be opened in this house." ("Kowno," *Kraj*, no. 45, November 5 (17), 1899).

³² *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 73, October 27, 1899.

³³ *Ibid.*

³⁴ Vasilii Sudeikin (1857–1918), an economist, academic, political writer. For more about him, see E.N. Chebanenko, "Vasilii Timofeevich Sudeikin" [in Russian], in *Essays on the History of Financial Science*, ed. V.V. Kovalev (Moscow: Prospect, 2010), 418–35.

³⁵ The following marshals of nobility were present at the reception: from Telschi Uyezd, Aleksandr Shul'ts; from Novoalexandrovsk (Jeziorosy) Uyezd, P. Verevkin; from Kovno Uyezd, A. Miller (*Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 73, October 27, 1899).

³⁶ *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 73, October 27, 1899. A Kovno correspondent of the Vilna *Severo-zapadnoe slovo* also wrote about the opening of the People's

What did the People's House, owing its creation to P. Stolypin, look like? How did it function? Almost all biographies of the future prime minister of Russia hardly contain more than a couple of sentences³⁷ about this establishment, first of all referring to M. Bock.³⁸ In this sense, the *Encyclopedia* devoted to P. Stolypin is no different: we can find minimum information there.³⁹ Meanwhile, not to exaggerate, the People's House was a very large-scale initiative. It is fair to say that nothing like it was created in the public life of Kovno until the fall of the Russian Empire, nothing as ambitious and far-reaching.

The plans developed at the end of 1898 were truly really bold, large-scale, and – we have to admit – expensive, but thanks to the involvement of P. Stolypin in their implementation, they were not just fulfilled completely but overfulfilled. In February 1899, *Kovenskie gubernskie vedomosti* reported:

The building will contain a huge two-bay hall for spectators with the equipment for arranging performances in it, a reading room, a teahouse, a canteen, a hostel and a guest house with rooms (about 20) for visitors.⁴⁰

There was also a description of how the main building of the People's House should look like: “The facade of the main building, according to the project, will be arranged in the Russian style with a turret of 8 sazhen (17.07 m. – *R. J.*) rising over the building.”⁴¹ A few months after the construction started, when the work inside the building was already underway, the same newspaper published an item about the People's House once again:

House: “So, in Kovno we have seen an opening of an establishment which is destined to play a prominent role. The exterior of the building and its decoration are quite consistent with the ambitious goal that a people's house should pursue. It is, in the full sense of the word, a temple of enlightenment, noticeable for its beautiful architecture.” (Novus, “Kovno” [in Russian], *Severo-zapadnoe slovo*, no. 341, October 28, 1899).

³⁷ A.P. Borodin, *Stolypin. Reforms in the Name of Russia* [in Russian] (Moscow: Veche, 2004), 14; B.G. Fedorov, *Pyotr Stolypin: I Believe in Russia. Biography of P.A. Stolypin* [in Russian], vol.1 (St Petersburg: Limbus Press, 2002), 129; G.P. Sidorovnin, *Pyotr Arkadyevich Stolypin. Life for the Fatherland* [in Russian] (Moscow: Pokolenie, 2007), 46.

³⁸ “. . . and he spent much time there supervising the arrangement of the overnight lodging department, the teahouse, the correct arrangement of reading for workers and for the people in general, the arrangement of performances and public balls.” (M. Bock, “Reminiscences of My Father, Peter A. Stolypin” [in Russian], in *Russian Fates. Biographies, Facts and Hypotheses, Portraits and Documents in 30 Books* (Moscow: Novator, 1998), 20).

³⁹ K.A. Solov'ev, the author of the encyclopedic article “The Marshal of Nobility,” also gives only the abovementioned quotation from the memoirs of the eldest daughter of P. Stolypin (V.V. Shelokhaev, ed., *Pyotr Arkadyevich Stolypin. Encyclopedia* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2012), 486).

⁴⁰ *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 9, February 6, 1899.

⁴¹ *Ibid.* One sazhen equals to 2.1336 m.

At the end of our *Nikolaevskii prospect* [Nicholas Avenue], opposite the district court, you cannot but be amazed at the sight of the conspicuous building of the People's House. It is a building with a beautiful frontal side that attracts the eye and a turret projecting into the sky. The construction of the whole building is coming to an end, the walls and the roof were built long ago, and now the interior decoration is underway. The house is three-storied. The outer side with its lancet windows and painted walls gives the impression of something original, majestic. . . A huge stone outbuilding stretches in the courtyard. It will house a hotel.⁴²

Apparently, impressed by what he saw, the newspaper correspondent found it necessary to detail the description of the interior:

And here you go inside. On the ground floor, you enter a vast one-bay hall; this hall is intended for a teahouse. On the first floor there is a similar hall, but two-bay with a choir loft and a stage; performances, public readings and concerts will be held here. This hall is very vast; it can even compete with our theatre. Visiting celebrities can perform here, without a risk of catching a cold from drafts, as in our city theatre.⁴³

The next issue of the Kovno newspaper gave the readers even more details:

. . . the teahouse space is 120 square sazhen [546.26 sq. m. – *R. J.*], There are two rooms: (1) for the “common public,” (2) for “privileged” visitors. In summer, next to the tea house, there will be an open veranda with an area of 60 square arshins [30.25 sq. m.]. The hall for performances, readings and other events is located on the first floor. This is a two-bay hall with a stage and galleries around it – for 700 people. It has special premises for a public library and a public reading room. A two-storied stone building in the courtyard, adjacent to the building described, will serve as a hotel. Downstairs there will be accommodation for 100 men and 40 women. Upstairs there will be 14 small rooms for daily and monthly rent for most agreeable pay. A huge canopy will be arranged in the courtyard of the People's House for arrival days.⁴⁴

The developed and successfully implemented project was simple, but quite functional. For example, the teahouse located on the ground floor had another additional entrance from the street and inside the building it was connected with the concert hall via a staircase.

The formal opening of the People's House on October 21, 1899 by the Vilna, Kovno and Grodno Governor-General V. Trotskii did not mean that all construction

⁴² “Kovno People's House” [in Russian], *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 52, July 31, 1899.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ “Kovno People's House” [in Russian], *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 53, August 4 (1899). A Kovno reporter for *Kraj* wrote that the hall for “public performances” was two-storied, probably referring to the stalls and the galleries. He also noted that “the construction was initiated by the governorate Marshal of Nobility P. Stolypin.” (Wawer, “Kowno, 19 września,” *Kraj*, no. 40, October 1(13), 1899)

work was completed, especially with regard to the old building, which was being adapted for the needs of the Guardianship, and the stone outbuilding. The hostel, which was located in the outbuilding, was ready for use only on March 1, 1900. It consisted of two spacious rooms with beds for 64 men and 24 women respectively, separated by a watchman's room and a gatehouse. The hostel also had a "washroom with a cement floor." Its design was a state-of-the-art solution at the time, which was repeatedly (and not without pride) emphasized in the reports. On the first floor, 15 separate rooms were furnished, "one with 3 beds, two with 2 beds and 12 with one bed."⁴⁵ Payment for a night was low and depended on the season. An overnight stay in winter (from September 1 to April 1) in common areas with plank beds cost 5 kopecks and in summer (from April 1 to September 1) 4 kopecks. For a separate room for one person it was necessary to pay 20 kopecks; for a room for two, 30 kopecks; and a room with three beds cost 50 kopecks. Men's and women's toilets were located opposite the outbuilding, next to the stables and the carriage house. The fee for using the stables and the carriage house was 3 kopecks per horse. Women with children who walked from the villages had benefits. Both in summer and in winter, they did not pay for one child if there were more than one child; 3 kopecks were to be paid for each child in winter and 2 kopecks in summer.⁴⁶

It must be admitted that the idea of creating a hostel, a stable and a so-called carriage house for carriages and carts turned out to be very timely.⁴⁷ The data for the first ten months of its operation (more precisely, from March 1 to December 31, 1900) testify to the extreme popularity of the hostel among visitors. During this period, "8289 people stayed overnight, of whom 3972 were from cities and towns (3457 men and 515 women); 4317 came from villages (4098 men, 216 women and 3 children); 2665 of them occupied rooms, 2636 carts and 2999 horses were received."⁴⁸ As a result, an income of 1,148 roubles 39 kopecks was gained. This made it possible to assume that "during the year, the income from the hostel will be equal to half of the expenses for the maintenance of the entire People's House."⁴⁹

⁴⁵ "Report of the Kovno City Committee of the Guardianship of Public Sobriety for the Year 1900" [in Russian], part 1, *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 17, March 10, 1901.

⁴⁶ An announcement on the front page [in Russian], *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 16, March 1, 1900.

⁴⁷ It should be noted that the idea was not new for Kovno Governorate. While opening the second teahouse in the city, the Telschi Uyezd committee of the Guardianship headed by Telschi Marshal of Nobility Aleksandr Shul'ts, replaced "the old teahouse which consisted of several small rooms with beds and a large stable, with a canteen for visitors who could find lodging and place for horses here," as early as in December 1898 (Kaktus, "Telsze guberni kowieńskiej w grudniu," *Kraj*, no.50. December 12 (24), 1898).

⁴⁸ "Report of the Kovno City Committee of the Guardianship of Public Sobriety for the Year 1900," part 1.

⁴⁹ *Ibid.* The expenses for the maintenance of the hostel, which mainly boiled down to the washing of bed linen, amounted to 221 roubles 81 kopecks.

Thus, the city committee of the Guardianship achieved the goal it had declared, which was to turn away from drunkenness “the masses of peasants who came to Kovno, stayed in cheap Jewish flophouses, where they bogged down in drunkenness and debauchery, widespread in the governorate city.” Low prices and tolerable accommodation conditions, and in addition to that a cheap canteen in a nearby building, turned out to be very attractive for a huge number of city guests. The newcomers resignedly adjusted to the opening hours of the House: the doors of the hostel were open from 17.00 to 9.00 in the morning in winter, and from 18.00 to 8.00 in the morning in summer. It was also believed that the hostel would attract rafters (there were quite a lot of them during the summer on the Neman in those days) and seasonal workers who came to the city to work but were in no hurry to rent accommodation.”⁵⁰

The report on the results of the functioning of the hostel for the first ten months (which has already been referred to) explained why all that was created: “in order to attract richer peasants, writers, commoners who did not want to sleep on bunks, rooms with the necessary amenities were built.”⁵¹ The hostel owed its success to the active participation in its affairs of Olga Iosifovna Lilienberg, a close acquaintance of the Stolypin family. In the first report on the activities of the People’s House, we can read that it is “thanks to her constant care that impeccable cleanliness and order prevail in the hostel.”⁵²

Pyotr Stolypin knew how to select employees, among which one can name, for example, the wife of Yu. Lyubich-Yarmolovich-Lozino-Lozinskii Sofia. Actively and with full dedication, she participated in the arrangement of the second teahouse canteen in the Work House, which was opened in Kovno on the initiative of the City Committee,⁵³ working together with her husband and O. Lilienberg, who has been mentioned above twice and who was described by M. Bock as “the closest of the acquaintances who came to us in Kolnoberzhe from Kovno . . . she was one of the family in our house.”⁵⁴ According to the reminiscences of P. Stolypin’s eldest daughter, Olga Lilienberg was “quite an energetic and active woman, and a faithful assistant to *papa* in the organization of the People’s House. In all matters where a woman’s practical mind is more needed than a man’s, my father turned to her, and I remember how highly he spoke of her advice and her activities.”⁵⁵

⁵⁰ *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 16, March 1 (1900).

⁵¹ “Report of the Kovno City Committee of the Guardianship of Public Sobriety for the Year 1900,” part 1.

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Pribavlenie k Kovenskim gubernskim vedomostyam*, no. 73, October 13, 1901.

⁵⁴ M. Bock, *Reminiscences of My Father, Peter A. Stolypin*, 52. Olga Iosifovna Lilienberg was the widow of Evgenii Ivanovich Lilienberg (died June 7, 1897), a judge of the Kovno district court. Apparently, the relationship of O. Lilienberg and the Stolypin family were very close, since on the same page M. Bock writes further: “She spent much time with the children, sewed and knitted all sorts of things for the house and for us, and in the evening she sat with *papa* and *mama* in the study listening to the reading.”

⁵⁵ *Ibid.*

Conclusion

In connection with the construction of the People's House in Kovno, the question arises which of the aspects of the Guardianship's activities in Kovno Governorate was of greatest importance for P. Stolypin. Was it the desire to "bring a ray of light into the kingdom of darkness" and "to free the people from the captivity of bad habits" or the desire to get Lithuanians, Jews, Poles interested in the Russian language and Russian culture, thereby revealing to them other, better sides of the Russian state? It is difficult to say definitely what the views and goals of P. Stolypin were. But on the basis of the available material it can be assumed that for such a statesman as the uyezd and governorate marshal of nobility was (a total abstainer and a fighter against drunkenness) both of these factors were equally important. Moreover, the activities of P. Stolypin testify to the fact that all his intentions and actions were united by the idea of Russia's good, understood very broadly at times. The most important cause in Pyotr Stolypin's life was the service to the Fatherland.

Список литературы

- Бородин А.П.* Столыпин. Реформы во имя России. – Москва: Вече, 2004. – 384 с.
- Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. – Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1956. – 304 с.
- Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия / ответственный редактор В.В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2012. – 735 с.
- Сидоровнин Г.П.* Петр Аркадьевич Столыпин. Жизнь за Отечество. – Москва: Поколение, 2007. – 713 с.
- Федоров Б.Г.* Петр Столыпин: Я верю в Россию. Биография П.А. Столыпина: в 2 т. – Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2002. – Т. 1. – 624 с.
- Чебаненко Е.Н.* Василий Тимофеевич Судейкин // Очерки по истории финансовой науки. – Москва: Проспект, 2010. – С. 418–435.
- Юрковский Р.* П.А. Столыпин в воспоминаниях польских землевладельцев Северо-западного края // Столыпинские чтения. Путь модернизации России: от Столыпина к современности. Международная научно-практическая конференция. – Москва: Медиа-Принт, 2012. – С. 137–149.
- Юрковский Р.* Окраинные знакомые. Польские депутаты Государственной думы и Государственного совета из Северо-западного края и их отношения с П.А. Столыпиным в 1906–1911 гг. // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2014 г.: сборник научных статей: в 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева. – Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2015. – Ч. 1. – С. 233–245.
- Юрковский Р.* Культурно-просветительская и благотворительная деятельность Петра Столыпина на посту гродненского губернатора в 1902–1903 гг. // Новейшая история России. – 2017. – № 3 (20). – С. 49–62.
- Achmatowicz A.* Niezrealizowane projekty reform premiera rządu rosyjskiego i ministra spraw wewnętrznych Piotra Stołypina (1906–1911) // Przegląd Wschodni. – 2004. – Т. IX. – № 3 (35). – S. 657–711.
- Bazyłow L.* Ostatnie lata Rosji carskiej. Rządy Stołypina. – Warszawa: PWN, 1972. – 555 s.

Jurkowski R. Kowieński marszałek, grodzieński gubernator. Kresowe początki kariery politycznej Piotra Stołypina (1889–1903). – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2015. – 616 s.

Jurkowski R. Peter Stolypin – The Early Stage of His Political Career 1889–1903. – Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2018. – 357 s.

Jurkowski R. Piotr Stołypin jako marszałek szlachty w guberni kowieńskiej 1889–1902. Nominacje, rangi orderu i medale // *Zeszyty Naukowe*. – 2014. – T. XXVIII. – S. 226–238.

Jurkowski R. *Majątek wygrany w karty – jak po powstaniu styczniowym litewskie Kałnoberże znalazły się w rękach rodziny Stołypinów* // *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. – 2014. – T. XLIX. – № 2. – S. 5–21.

Jurkowski R. Udział Piotra Stołypina w życiu teatralnym Kowna w latach 1899–1901 // *Studia Białorutenistyczne*. – 2014. – T. 8. – S. 59–69.

Jurkowski R. Działalność Piotra Stołypina w guberni kowieńskiej w latach 1889–1902. Próba bilansu // *Przegląd Wschodni*. – 2015. – T. XIII. – № 4 (52). – S. 1059–1078.

Nieścioruk J. Piotr Stołypin. Życie i działalność polityczna. – Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. – 131 s.

References

Achmatowicz, A. “Niezrealizowane projekty reform premiera rządu rosyjskiego i ministra spraw wewnętrznych Piotra Stołypina (1906–1911).” *Przegląd Wschodni*, vol. 9, no. 3 (35) (2004): 657–711.

Bazyłow, L. *Ostatnie lata Rosji carskiej. Rządy Stołypina*. Warsaw: PWN, 1972.

Borodin, A.P. *Stolypin. Reformy vo imya Rossii* [Stolypin. Reforms in the name of Russia]. Moscow: Veche, 2004. (In Russian)

Chebanenko, E.N. “Vasilii Timofeevich Sudeikin.” In *Ocherki po istorii finansovoi nauki* [Essays on the history of financial science], edited by V.V. Kovalev, 418–35. Moscow: Prospekt, 2010. (In Russian)

Fedorov, B.G. *Petr Stolypin: Ya veryu v Rossiyu. Biografiya P.A. Stolypina* [Pyotr Stolypin: I believe in Russia. Biography of P.A. Stolypin]. Vol. 1. St Petersburg: Limbus Press, 2002. (In Russian)

Jurkowski, R. “Działalność Piotra Stołypina w guberni kowieńskiej w latach 1889–1902. Próba bilansu.” *Przegląd Wschodni*, vol. 13, no. 4 (52) (2015): 1059–78.

Jurkowski, R. “Kul'turno-prosvetitel'skaya i blagotvoritel'naya deyatelnost' Petra Stolypina na postu grodnenskogo gubernatora v 1902–1903 gg.” [Cultural, educational and charitable activities of Pyotr Stolypin as Governor of Grodno in 1902–1903]. *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 3 (20), (2017): 49–62. (In Russian)

Jurkowski, R. “Majątek wygrany w karty – jak po powstaniu styczniowym litewskie Kałnoberże znalazły się w rękach rodziny Stołypinów.” *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, vol. 49, no. 2 (2014): 5–21.

Jurkowski, R. “Okrainnye znakomye. Pol'skie deputaty Gosudarstvennoi dumy i Gosudarstvennogo soveta iz Severo-zapadnogo kraya i ikh otnosheniya s P.A. Stolypinym v 1906–1911 gg.” [Acquaintances from the remote lands. Polish deputies of the State Duma and the State Council from Northwestern Krai and their relationship with P.A. Stolypin in 1906–1911]. In *Tavrisheskie chteniya 2014. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, Tavricheskii dvorets, 11–12 dekabrya 2014 g.: sbornik nauchnykh statei*. [Tauride readings 2014. Topical problems of parliamentarism: history and modernity. International Scientific Conference, St Petersburg, Taurida

Palace, December 11–12, 2014: collection of scientific articles], edited by A.B. Nikolaev, part 1, 233–45. St Petersburg: ElekSis, 2015. (In Russian)

Jurkowski, R. “P.A. Stolypin v vospominaniyakh pol'skikh zemlevladel'tsev Severo-zapadnogo kraja” [P.A. Stolypin in the memoirs of the Polish landowners of Northwestern Krai]. In *Stolypinskie chteniya. Put' modernizatsii Rossii: ot Stolypina k sovremennosti. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Stolypin readings. The path of modernizing Russia: from Stolypin to modernity. International scientific and practical conference], 137–49. Moscow: Media-Print, 2012. (In Russian)

Jurkowski, R. “Piotr Stołypin jako marszałek szlachty w guberni kowieńskiej 1889–1902. Nominacje, rangi order i medale.” *Zeszyty Naukowe*, vol. 28 (2014): 226–38.

Jurkowski, R. “Udział Piotra Stołyпина w życiu teatralnym Kowna w latach 1899–1901.” *Studia Białorusinistyczne*, vol. 8 (2014): 59–69.

Jurkowski, R. *Kowieński marszałek, grodzieński gubernator. Kresowe początki kariery politycznej Piotra Stołyпина (1889–1903)*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2015.

Jurkowski, R. *Peter Stolypin – The Early Stage of His Political Career 1889–1903*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2018.

Nieścioruk, J. *Piotr Stołypin. Życie i działalność polityczna*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2007.

Shelokhaev, V.V. ed. *Petr Arkad'evich Stolypin. Entsiklopediya* [Pyotr Arkadyevich Stolypin. Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 2012. (In Russian)

Sidorovnin, G.P. *Petr Arkad'evich Stolypin. Zhizn' za Otechestvo* [Pyotr Arkadyevich Stolypin. Life for the Fatherland]. Moscow: Pokolenie, 2007. (In Russian)

Zen'kovskii, A.V. *Pravda o Stolypine* [The truth about Stolypin]. New York: Vseslavyanskoe izdatel'stvo, 1956. (In Russian)

Роман Янович Юрковский

Доктор исторических наук, профессор,
Заведующий кафедрой Всемирной истории,
Варминско-Мазурский университет
Ольштын, Польша
<http://orcid.org/0000-0002-3424-0307>
roman.jurkowski@uwm.edu.pl

Roman Ya. Jurkowski

Professor, Doctor habilitatus
Head of the Department of World History,
University of Warmia and Mazury in Olsztyn
Olsztyn, Poland
<http://orcid.org/0000-0002-3424-0307>
roman.jurkowski@uwm.edu.pl